

Философ чужд любому строю Новая книга об Алексее Лосеве

Презентации

Текст: [Елена Яковлева \(блог автора\)](#)

В знаменитой библиотеке истории русской философии и культуры "Дом А.Ф. Лосева" состоится презентация новой книги доктора филологических наук, профессора Елены Тахо-Годи "Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917-1919". Автор рассказала "РГ" о своей работе над книгой.

Елена Тахо-Годи: Эта книга наиболее интересна тем, что в ней впервые собраны материалы, дающие представление о социально-общественной позиции, занятой А.Ф. Лосевым в первые годы после революции. О раннем Лосеве - 1910-1930 годов - мы знаем очень мало. Когда в 1930 году Алексей Федорович был арестован за "Диалектику мифа", архив его был изъят органами, и вся его личная переписка исчезла. Пропал и дневник, который он вел в 1914 году, и его переписка с девушкой, которая ему нравилась, сестрой его гимназического друга Ольгой Позднеевой.

И только после 1995 года, когда из архива ФСБ к нам вернулись рукописи Алексея Федоровича, среди них мы увидели и эти "юношеские материалы", записи, относящиеся к "личному кругу" размышлений. Органы проявляли и к ним неподдельный интерес, следовательно в 1930 году обнаружил-таки в дневнике Лосева 1918 года "политические" записи по поводу справедливости в современном обществе и подчеркнул их карандашом. Пытался понять, как формировался Лосев-контрреволюционер.

Что подвигло вас взяться за эту книгу?

Елена Тахо-Годи: Незнание этого периода жизни философа. И конечно, хотелось представить не только то, как Лосев формировался как личность (это отразилось в переписке и дневниках), но и то, какова была его реакция на происходящее в те годы в России. Сам Алексей Федорович предпочитал об этом не рассказывать, он не вспоминал ни подробности дореволюционной жизни, ни тем более жизни на рубеже 1910-1920 годов. И это понятно, жизнь его полностью уложилась в рамки советского времени.

Толчком же к написанию этой книги послужили архивные документы, которые были найдены разными людьми еще в 1990-е годы. Среди них было в том числе найденное в рукописном отделе государственной библиотеки письмо Алексея Федоровича к известному московскому издателю Михаилу Васильевичу Сабашникову с предложением издать серию книг под названием "Духовная Русь" (название предложил Вяч.Иванов). Это должна была быть религиозно-философская серия на темы русской

национальности. И, как выяснилось из письма, Алексей Федорович был не просто рядовым участником этого проекта (а участники его были почтенными людьми с громкими именами - Вячеслав Иванов, Николай Бердяев, Георгий Чулков, князь Евгений Трубецкой, Сергей Булгаков, Сергей Дурьлин, Сергей Сидоров, предполагалось участие о. Павла Флоренского), но одним из организаторов этого сборника. И сборник этой серии должен быть выходить именно под его, лосевской редакцией.

Алексей Федорович был очень активно включен в общественную жизнь того времени. Не менее любопытным оказался тот факт, что ряд статей, заявленных для сборника "Духовная Русь", в дальнейшем вошел в знаменитый сборник "Из глубины", подготовленный Петром Струве и напечатанный уже когда сам Струве оказался за границей. Выпустить "Духовную Русь" Алексею Федоровичу не удалось, но параллели этого замысла с тем, что подготовил Струве, были очевидны. Для меня было важно выяснить и эти параллели, и общественно-политический контекст, и то, как Лосев общался с авторами-веховцами. Один из разделов книги как раз и посвящен этой религиозно-национальной, философской серии "Духовная Русь".

Сюда же включены письма Алексея Федоровича к Вячеславу Иванову, Павлу Флоренскому, Александру Глинке-Волжскому и Михаилу Сабашникову. Удалось восстановить и реконструировать не только перечень текстов, предназначавшиеся для серии, но и обнаружить большинство самих текстов. То есть эту серию, которую задумал А.Ф. Лосев, сегодня можно восстановить и опубликовать. У меня даже была мысль попробовать это сделать в своей книге, но, потом я все-таки поняла, что для этого нужно отдельное издание.

И как же Лосев относился к революции и потрясениям, с нею связанным?

Елена Тахо-Годи: Наверное, наиболее явно его позиция выражается в публикации 1918 года в анархистской газете "Жизнь". Лосев, конечно, никогда не был анархистом и анархизму не сочувствовал. Он считал анархизм и хаос последним этапом в истории человеческого развития. Ему ближе та позиция, которая была выражена в 1909 году участниками сборника "Вехи". Бердяев, Булгаков, Франк пытались объяснить русскому обществу, что духовные изменения важнее социальных потрясений. На страницах же анархистской газеты "Жизнь" Лосев оказался потому, что в литературном отделе газеты участвовали его университетские знакомые, члены "Общества искусств и изящной литературы". Он тоже был членом этого "Общества...".

Кто привел его туда, неизвестно. Может быть, это был один из видных культурных деятелей той эпохи, Николай Николаевич Русов (известный в то время человек, он переписывался с Блоком, был знаком с Василием Розановым, Андрей Белый посвящал ему стихи). Так вот в газете "Жизнь" появилась статья Алексея Федоровича о русской философской литературе 1917-1918 годов. В ней он оценивает то, что вышло в это время из-под пера русских философов. И вот эти книги, вроде бы далекие от современности, вроде книги Евгения Трубецкого о кантианстве или Ивана Ильина о Гегеле, рассматриваются как возможное оружие духовной борьбы, как ответы на вопросы, которые поставила перед каждым русским человеком современность.

Напрямую о революции Алексей Федорович не говорит. Это кажется странным, страна же переживает революцию, а у него нигде ни слова о ней. Но я не случайно взяла к своей книге эпиграфом отрывок из его повести 1930-х годов "Встреча", где Алексей Федорович объясняет, каково отношение истинного философа к общественной жизни. Никакой режим не терпит, чтобы его до конца понимали и продумывали. Никакой! Потому-то он - философ - решительно неприемлем ни для какого режима. Один герой говорит: значит, вы против советского режима? Другой отвечает: "Не более, чем против всякого другого... Для философа все режимы одинаковы". И следует диалог: "Но ведь это контрреволюция! - Это - понимание! - Это - контрреволюционное понимание!"

Лосев прямо политикой не занимался. Но свое философское отношение к ней проявлял. Лосев, кстати, пишет о русской философии и для выходящего в Цюрихе издания "Руссланд". Об этом издании ничего не было известно. И когда в 2008 год известный французский литературовед Жорж Нива пригласил меня выступить в "русском кружке" в Женевском университете, я, решая, чтобы я там могла рассказать, впервые задумалась о том, почему Алексей Федорович попал в годы революции на страницы вышедшего в Цюрихе сборника "Руссланд". И выяснилось, что главными организаторами этого сборника были московские политические деятели, в первую очередь глава издательства "Задруга" Сергей Петрович Мельгунов. Я особо признательна шведскому исследователю, профессору Магнусу Юнгрену за массу ценных сведений, в том числе полученных от его близкой знакомой – племянницы Сергея Петровича Мельгунова Веры Степановой-Эрисман. Она родилась как раз в год выхода сборника, в 1919 г. и живет ныне в Австрии.

Сборник, задуманный еще до революции, как рассказ западной публике о России, ее литературе, философии, религии и государственном устройстве, стал рассказом об уходящей Руси, о той, которую мы потеряли в 1917-м. Об истории этого издания у нас не упоминалось до 2000-х годов. Для моей книги был сделан новый перевод издания с немецкого на русский язык лосевской статьи "Русская философия" Владимиром Янценом. И это чрезвычайно важное дело, потому что, проведя анализ немецкого текста, мы поняли, что переводом занимались скорее любители русской культуры, чем профессионалы, они явно не знали толком философской терминологии - ни русской, ни немецкой.

В книге также собран ряд биографических материалов, из которых мы узнаем о лосевских работах,

бесследно исчезнувших в результате революционных событий. А в качестве приложения включен рассказ об одной из первых английских рецензенток книг Лосева 1920-х годов Натальи Даддингтон, дочери известного русского писателя, друга Льва Николаевича Толстого, Александра Эртеля и ученицы известного русского философа Николая Лосского. Она еще в начале 1900-х годов оказалась в Лондоне, вышла там замуж и стала одной из лучших переводчиц на английский язык русской художественной классики, знакомила английскую публику с Пушкиным. Сохранились письма Анны Ахматовой к ней, в которых она благодарит Наталью Александровну за подарки, которые та присылала ей в Ленинград. Даддингтон также познакомилась западную публику и с русской философией. Благодаря ей Владимир Соловьев, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Семен Франк, Николай Лосский "заговорили" по-английски. Она одна из первых услышала о том, что вышли книги Лосева, следила за его судьбой вплоть до ареста и сообщала Европе печальные новости о том, что лосевские метафизические труды объявлены контрреволюционными. В 1931 году в английском журнале "Философия" она первая рассказала о том, что постигло Лосева после выхода его книг, поражавших ее смелостью. Книги были об античности или художественной форме, но Даддингтон обращает внимание, что сама советская атмосфера 1920-х годов была такова, что упоминание о Канте становилось невозможным. Сам разговор о немарксистской философии был огромной смелостью в то время.

Мое исследование можно еще дополнять и расширять. Я думаю, где-то в архивах существуют материалы, которые помогли бы нам полнее представить и отношения Лосева к "Вехам", и его взгляды на положение средней школы в эпоху революции, и отношение к русскому идеологу анархизма Кропоткину. Уже после того, как книга была сдана в печать, я попробовала проанализировать материалы, связанные с кантовским обществом – одним из самых крупных международных философских сообществ 1920-х годов. Дело в том, что в 1929 году к Лосеву обратился исполнительный директор Кантовского общества и дал знать, что общество почтет лестным, если Алексей Федорович Лосев вступит в его ряды. До сих пор было не известно, согласился он или нет. Но сейчас нашлись издания, подтверждающие, что Лосев стал членом кантовского общества - в том же 1929-м году. И это событие подтверждает, что интерес к нему существовал не только среди русских эмигрантов - Натальи Даддингтон, Дмитрия Чижевского, Семена Франка, но и среди европейских философов вроде главы кантовского общества Артура Либерта. Все это очень важно для истории русской мысли. Недаром и книга вышла в серии «Исследования по истории русской мысли» в издательстве «Модест Колеров».

Цитата

- Незавидное положение вашего философа!

- Да, это положение человека, неприемлемого решительно ни для какого режима. Никакой режим не терпит, чтобы его до конца понимали и продумывали. Да и вообще никто и ничто на свете этого не любит. А философ как раз хочет все понимать. (...) Философ своим пониманием везде только подрывает устои, и никакой режим никогда не сможет спокойно выносить бескорыстно мыслящего философа. Такой философ всегда дурно действует на нервы и портит аппетит. Поэтому я и не претендую не только на партийность, но и вообще на принадлежность к какому-нибудь режиму.

- Значит, вы против советского режима?

- Не более, чем против всякого другого. (...) И все режимы признаю, и все режимы отрицаю. Признаю - потому, что они, все они, есть историческая и логическая необходимость, а отрицаю - потому, что всех их одинаково признаю. Для философа все режимы одинаковы. - Но ведь это контрреволюция! - Это - понимание! - Это - контрреволюционное понимание!

А. Лосев. Повесть "Встреча".

Опубликовано в РГ (Столичный выпуск) N6535 от 19 ноября 2014 г.

Просим обратить внимание на то, что в разных по времени подписания и региону распространения выпусках газеты текст статьи может несколько различаться. Для получения дословного текста публикации воспользуйтесь платной подпиской на получение точных полных текстов газетных публикаций